

асновы, што абумоўліваліся язьычніцкімі вытокамі народнай музыкі і хрысціянскімі асновамі прафесійнай, зліццё народнай і прафесійнай крыніц узбагачала магчымасці музычнай адукацыі. Важнай у гэтым сэнсе была кніжнасць царкоўнай музыкі. Письмовая традыцыя царкоўных спеваў не толькі захоўвала самі песнапенні, але і развівала метадычныя прынцыпы прафесійнай адукацыі. Арганізацыя “вучэння кніжнага”, г. зн. школьнай адукацыі, арыентавалася на знаменны запіс мелодыі, які фіксаваўся над радком тэксту. Спевы былі толькі аднагалосныя, і іх запіс адлюстроўваў актуальныя магчымасці музычнага мастацтва. Музыкальная тэорыя, якая толькі пачынала фарміравацца, фіксавала такім чынам у пісьмовым выглядзе музычную практыку.

Спраба вызначыць першакрыніцы мастацкай адукацыі ў Беларусі эпохі сярэднявечча дас падставы меркаваць аб фарміраванні і распаўсюджванні творчых школ, мастацкіх майстэрняў, спецыяльных вучэльняў, дзе закладваліся цэлыя ўменні і навыкі ў галіне музычнага і выяўленчага мастацтваў, раскрывалі змест эпохі і непаўторны ўнутраны свет асобы.

Адриано Роккуччи, профессор (Италия)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗНАЧЕНИЯ ВТОРОГО ВАТИКАНСКОГО СОБОРА В ИСТОРИИ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В XX в.

Моим вкладом в работу этих чтений является размышление о некоторых вопросах истории католической Церкви в XX в. и особенно о значении Второго Ватиканского Собора, в котором приняли участие наблюдатели Русской Православной Церкви.

Исторический, не только богословско-канонический, подход к истории Церкви является одной из черт, которые отмечаются в исследованиях католической Церкви XX в.¹ Возросло сознание того, что понимание исторического пути Церкви, с одной стороны, не может абстрагироваться от тех богословских и экклесиологических понятий, которые принадлежат Церкви как таковой, с другой стороны, необходимо рассматривать события в историческом контексте. В рамках такого подхода историческое понимание Второго Ватиканского Собора нуждается в серьезном изучении².

Быть католиком – это не только идентичность, связанная с рождением и с народной традицией, но в основном результат личного выбора. В рамках такого контекста пастырское отношение стало стержнем внутренней жизни и роста католической Церкви в XX в. С

большими остротой и тонкостью глубоко исследовал историю Христианства в XX в. Андреа Риккарди. Он писал: “Римская Церковь не отступалась от некоторых основных черт своих традиции и доктрины. Это было способом сопротивления секуляризации; а она не удалилась от мира, напротив, она стремилась к тому, чтобы сделать свое присутствие в современном мире более тонким <...> Римская Церковь совсем не хочет потерять секуляризованную Европу, и это является ее проблемой в течение всего XX в.”³ Второй Ватиканский Собор явился следствием решения следующих вопросов: как сообщить христианскую весть изменившемуся миру? Как достичь сердца современного человека? Как Церковь должна реагировать на глубоко изменяющийся мир?

Созвали Собор во время, полное тревог и вопросов. Чувствовался риск крайнего традиционализма, который вынуждал Церковь к изоляции в “крепости истины”, отделенной от мира и от современного человека. Католическая Церковь с созывом Собора выбирала путь соборности, чтобы ответить на вопросы, которые возникли внутри нее. В течение трех лет в сложной ассамблее 2000 людей епископы, приехавшие со всего мира, и богословы работали вместе, стремясь определить новое отношение Церкви к современному человеку и место Церкви в современном мире, не отступая от защиты основных черт католицизма. В результате поиска созрел выбор Собора в пользу симпатии к современному миру, основной чертой которого является диалог. Тем не менее традиционалисты выдвигали против Ватиканского Собора возражение, которого не следует недооценивать: “Церковь не должна проводить диалог потому, что не может быть никакого диалога между истиной и заблуждением. Любое изменение в жизни Церкви является отступлением”. Отношение между традицией и обновлением является узловым вопросом истории Церкви и ключом к пониманию Второго Ватиканского Собора: Католическая Церковь на Соборе твердо сохраняла идентичность не только по отношению к доктрине, но и к другим сторонам жизни, но эта идентичность не основывалась на отделении от своего времени. На Втором Ватиканском Соборе отмечалось, что неподвижность не всегда спасает традицию, понимание которой каждое поколение призвано углублять. По сути это то, о чем говорил папа Иоанн XXIII: “Не Евангелие изменяется, но мы начинаем его лучше понимать”. Не было никакого отступления от предания, наоборот, Собор говорил об обновлении (аджиорнаменто), восстанавливая и оживляя отношение католической Церкви с источниками христианского предания, с Библией, литургией, с отцами Церкви. Сама экклесиология Собора была восстановлением великого

предания. “Аджиорнаменто” и соборная реформа не были изобретением чего-то нового, а обновлением самой верности преданию. В рамках такого понятия диалог не является отступлением перед современностью: “Церковь остается с непримиримостью, связанной с тем, что считает своим призванием и в современности”¹⁴.

Участие официальных представителей Русской Православной Церкви в качестве наблюдателей на Втором Ватиканском Соборе было результатом отношений, которые установились между русской Церковью и католической в течение 1962 г.⁵ Прибытие русских наблюдателей приобретало особое значение в глазах католического мира: с одной стороны, понималось то значение, которое имело авторитетное церковное присутствие из-за “железного занавеса”, из столицы “большого советского врага”, с другой, появилась возможность встречи с великой Церковью и значительным христианским миром, традиционно чуждым Риму. Решение Константинополя не посылать в качестве наблюдателей представителей Православия на Собор разочаровало ожидания. Делегация от Москвы, т. е. от той православной Церкви, которая, несмотря на сложное положение, была самой многочисленной, заполнила пустоту, которая являлась бы неудобной и печальной, и значительно представляла православный мир на Соборе.

Решение послать наблюдателей на Собор было результатом длительного и сложного процесса. Встречались два разных, но сходившихся требования: требования советского правительства и требования Русской Церкви. Советское правительство искало в западном общественном мнении согласие для своей политики ослабления международной напряженности. Поддержка католических течений, их политика открытости по отношению к социалистическим странам и к левым силам западных стран являлись не второстепенной целью советской внешней политики в те годы⁶. В обсуждениях МИД и Совета по делам Русской Православной Церкви Второй Ватиканский Собор представлялся одновременно желательным и опасным. Желательность состояла в том, что косвенно было возможным поддерживать внутри католической церкви течения реформаторов, которые были также сторонниками открытого диалога с социалистическими странами, ослабляя, таким образом, консерваторов. Опасностью представлялось то, что Собор мог способствовать образованию антикоммунистического и антисоветского блока религиозных сил под руководством Ватикана.

Однако Патриархия выработала стратегию внешних сношений, основным инициатором и исполнителем которой был архиепископ и затем митрополит Никодим (Ротов). Она развивалась исходя из

опасения изолирования русского православия в области межцерковных отношений. Был риск, что созыв Собора и связь католической Церкви с православным миром сблизят Константинополь и Рим. Вселенская патриархия могла бы стать представителем всего православия в диалоге с Римом; это значительно укрепило бы позицию Константинопольской патриархии в ущерб позиции Москвы. Опасение союза между двумя христианскими центрами и последовательного изолирования Москвы лежало в основании стратегии, которую Никодим задумывал и которую он сочетал с интересом советского правительства, чтобы вокруг Ватикана не создавался антикоммунистический фронт религиозных сил, поддержанный США. Вступление Московской патриархии в межцерковные отношения, вследствие присоединения к Всемирному Совету Церквей и отправления наблюдателей на Второй Ватиканский Собор явилось завершением такой стратегии, которая преодолела изолирование Московского православия и поставила Русскую Церковь в центр отношений между христианскими церквями⁷.

Интересным документом, помогающим понять значение Второго Ватиканского Собора с точки зрения наблюдателей Русской Православной Церкви, является доклад, подготовленный протоиереем Виталием Боровым об итогах первой сессии Собора. Патриарх Алексий (Симанский) такой доклад должен был послать всем главам православных церквей⁸. Отец Боровой рассматривал Собор и его значение с точки зрения Православия. Прежде всего он подчеркивал, что Собор родился от исторического требования: наступило новое историческое время, отмеченное секуляризацией и “концом константиновской эпохи”. Все это требовало от Церкви нового подхода и новых усилий: “Современный мир ставит перед Церковью совершенно новые запросы, ответить на которые Церковь уже не может, используя одни лишь прежние методы и средства, которые были в ее распоряжении, начиная с эпохи Константина. В современном “меняющемся обществе” Церковь должна находить новые пути к сердцам людей и уметь преподнести им вечные и неизменные истины Божественного Откровения в выражениях, понятных современному человечеству и близких психологии настоящего века, века техники, атома и космоса. Одним словом, Церковь нуждается в том именно “аджорнаменто”, о котором не раз говорил папа Иоанн XXIII, ибо косность и невнимательность к велениям времени и были причиной нынешнего положения”⁹.

Отец Боровой в начале 1963 г. понял, каким был ключевой вызов католицизма, а можно было бы сказать, христианства в XX в.: это вызов современности и секуляризации¹⁰. В XX в. государство стало

секуляризованным. В Западной Европе утвердилась свобода совести и государство поставило Церковь на тот же самый уровень других религиозных культов и неверующих граждан. Государство больше не нуждалось в религиозном подтверждении своей легитимности Церковью: современное государство, и демократическое, и тоталитарное, основывается на других образцах узаконения своей власти. Государство занимало места, которые традиционно принадлежали Церкви: это образование молодежи, семья, венчание, религиозное освещение общественной жизни и др. С современностью наблюдалось и наблюдается антропологическое изменение: утверждается новый образец человека, который не имеет больше ни в Церкви, ни в религии своего ориентира. В течение XX в. католическая Церковь сталкивалась с этими вызовами, брошенными ей современностью, и видела, что постепенно ее место в обществе и совести современных людей уменьшилось. В течение XX в. католическая Церковь осознала, что перед постоянным процессом секуляризации европейского общества она должна была сохранять такое же постоянное стремление к миссионерству в христианских землях Западной Европы, которые снова, как в первое тысячелетие, стали местом евангелизации и новой христианизации.

По мнению отца Борового, Второй Ватиканский Собор являлся событием крайне важным: «Отцы Собора почувствовали себя не просто призванными в торжественной обстановке утвердить проекты схем, разработанных подготовительными комиссиями <...> почувствовали себя не собранием отдельных иерархов <...> а почувствовали себя Собором. Осознав себя как Собор, стали и действовать соборно»¹¹. Отец Боровой признал в трудах Собора утверждение экклесиологии соборности внутри Римской Церкви. Кроме того, он подчеркивал решающую и положительную роль, которую сыграл Папа, сторонник реформаторов, внутри Собора. Но об этой роли Папы он не мог не выразить сомнений экклесиологического характера: «Однако при этом нельзя не обратить внимания на тот важный в экклесиологическом отношении и беспрецедентный в истории древних Вселенских Соборов факт, что этим самым Папа фактически ставился вне Собора и над Собором. Епископ Римской кафедры не был членом Собора (хотя был наиболее влиятельным и первым среди всех), он являлся верховной инстанцией по отношению к каноническому волеизъявлению и догматическому самосознанию всей Церкви. Таким образом, он не в Церкви, а над Церковью. Православные не могут не видеть в этом продолжения печальной линии Первого Ватиканского Собора»¹².

В докладе подчеркивалось значение присутствия наблюдателей других христианских конфессий и оценивалось как фактор, влияющий на ход работы Собора. Наблюдателям была представлена возможность следить за развитием заседаний Собора. Во время всех встреч с членами секретариата по христианскому единству и с отцами Собора наблюдатели, по мнению отца Борового, "чувствовали самое внимательное к себе отношение, искреннее желание понять их точку зрения. Это, вне всякого сомнения, давало свои положительные результаты во время соборных прений. Можно смело сказать, что во время первой сессии не было произнесено ни одной речи, не было ни одного выступления, которые не строились бы с учетом присутствия и с некоторой ориентировкой на мнение наблюдателей <...> Присутствие наблюдателей <...> действительно чувствовалось на Соборе и сказывалось на результатах соборных прений и соборных постановлений"¹³. В заключение отец Боровой подчеркивал положительное значение процесса изменения, который Собор начал и который уже невозможно было остановить, и указал на его ценность и для православных церквей: "Возрождение и проявление соборности в жизни Римско-католической Церкви, Церкви, о которой до сих пор православные привыкли мыслить в категориях строжайшей централизации и господства абсолютно-монархических начал, является подлинным вызовом для православных Церквей, которые всю свою екслезисологию строят на соборных началах и провозглашают эти начала своим историческим и конфессиональным знаменем"¹⁴.

Участие в Соборе было и опытом прямого и реального знакомства с жизнью римской Церкви. Были пересмотрены некоторые убеждения о католической Церкви. Прежде всего рухнула идея о монолитной католической Церкви, строго управляемой римским центром, как армией из штаб-квартиры. Конечно исторический путь католической Церкви глубоко отмечен папством и руководящей ролью Рима. А отношения Церкви с Римом имеют сложную историю. Современная историография выдвигает потребность более углубленного исторического понимания системы управления такой сложной реальностью, какой является католическая Церковь. Отношения между Римом и национальными церквями или между Папой и той сложной машиной, которой является римская курия, представляются характерными примерами этого¹⁵. В свете опыта Собора представление о монолитной католической Церкви явилось упрощением по отношению к реальности сложного тела, характеризующегося многочисленными, многообразными и иногда противоречивыми течениями, волнениями, проблемами,

культурами, людьми, опытом. В рамках такого прямого соприкосновения с жизнью католической Церкви стало ясно, например, что история и реальность французского католицизма и история и реальность польского католицизма не были одинаковыми, так как исторический путь и современная жизнь католической Церкви в Италии не совпадали с развитием и жизнью католической Церкви в Германии. Была заметна разница национальных культур, а также внутри национальных церквей отмечались разные подходы, разные влияния, разный опыт, и пути отмечены духовными, пастырскими, культурными чертами разных типов. Уже в месяцы, которые предшествовали открытию Собора, в некоторых отчетах отца Борового действительно появилось более сложное понимание реальности католической Церкви, внутри которой он отмечал присутствие противоположных течений. В заключительном отчете об итогах первой сессии Собора, посланном отцом Боровым архиепископу Никодиму, такое представление о католической Церкви стало более ясным: “С первых же дней соборных заседаний выявилось, что Римско-католическая Церковь отнюдь не является такой монолитной организацией, какой ее представляли себе многие до сих пор, и что прежнему всевластию римской курии и засилью реакционных итальянских кругов в Ватикане раньше или позже, но неминуемо придет конец. Началом этого оздоровительного процесса, началом этого долго ожидаемого всеми конца “ультрамонпанства” может явиться настоящий Собор”¹⁶. По мнению отца Борового, Собор стал поводом для “острой”, но “здоровой” борьбы внутри католической Церкви.

Говорили и говорят о кризисе католической Церкви после Собора. Кризис действительно был: уменьшилось количество священников, упал показатель воскресного посещения храмов и др. А это кризис, который начался задолго до Собора и который имеет свои корни именно в тех вызовах, которые бросил современный мир. Постепенное уменьшение священников, например, началось до Собора. Архиепископ Малинский-Брусельский, кардинал Сюенен, один из главных участников Второго Ватиканского Собора, в 1971 г. описал положение католической Церкви таким образом: “Сегодня Церковь действительно подобна кораблю, подверженному действию всех ветров. Это положение создано частично внешней причиной, т. е. положением моря. Действительно, Церковь существует в мире и для мира: ее положение широко зависит от неслыханных изменений того мира, в котором она живет. Ускорение истории во второй половине XX в. происходит со страшным ритмом; теперь уже мы меняем век раз в пять или десять лет: это постоянный вызов,

который мы должны принять. А есть внутренняя причина, касающаяся самого корабля: он, вследствие Собора, был оторван от спокойного порта и брошен на море¹⁷. Кризис Церкви пустил корни в кризис цивилизации, который в течение XX в. затронул все большие международные системы.

В заключение доклада можно процитировать размышление Андреа Риккарди: «Большое достижение Церкви в современном мире – это не бояться изменений мира и своего собственного изменения. Это что-то новое, в котором отдал себе отчет и которое воспринял Второй Ватиканский Собор, хотя это переживалось уже давно. Мир изменится, Церковь изменится, но что-то не меняется в ее весте и в ее жизни. Может быть, именно это дает ей тоже смелость в изменении. В подвижном, неуверенном мире, каким является наш мир, кризис Церкви постоянный. Нет такой победы, которая могла бы освободить от постоянного соприкосновения с кризисом <...> Уже много веков Церковь не жила в обществе с таким высоким количеством неверующих людей, как сегодня в землях христианской традиции, где все так меняется. Церковь научилась сосуществовать с этой реальностью¹⁸. Симпатия по отношению к миру и непримиримость представляются двумя подходами, с которыми католическая Церковь старалась в течение XX в. ответить на вызовы современного мира, пораженного глубоким кризисом цивилизации.

¹ См.: Auber R. Introduction generale a la Nouvelle histoire de l'Église. Paris, 1963. С.7-26; Jedin H. Kirchengeschichte als Hailsgeschichte? // Saeculum. 1954. 5. С.119-128; Alberigo G. Nuove frontiere della storia della chiesa // Alberigo G. Nostalgie di unita. Saggi di storia dell'ecumenismo-Genova, 1989-С.13-30.

² Об истории Второго Ватиканского Собора уже существует широкая библиография. См.: La Chiesa del Vaticano II (1958-1978) / Под ред. M.Guasco, E.Guerrero; E.Traniello. Storia della Chiesa / Под ред. A.Fliche и V. Martin. Cinisello Balsamo, 1994. Т XXV/1-2; A.Zambarbieri. I concili del Vaticano. Cinisello Balsamo, 1995; Storia del concilio Vaticano II: В 5 т. / Под рук. G.Alberigo. Bologna; Leuven, 1995.

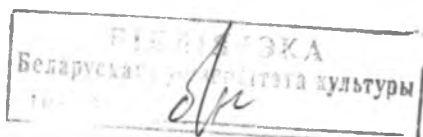
³ Riccardi A. Intransigenza e modernita: La Chiesa cattolica verso il terzo millennio-Roma-Bari, 1996-С.34-35.

⁴ Там же. С. 58.

⁵ Об отношениях между Русской Православной Церковью и Святым Престолом в советское время см.: Stehle H. Die Ostpolitik des Vatikans, 1917 - 1975. Zurich, 1975; Wenger A. Rome et Moscou, 1900 - 1950. Paris, 1987; Riccardi. A. Il Vaticano e Mosca. 1940 - 1990-Roma-Bari, 1992; Morozzo Della Rocca R. Le Nazioni non muoiono. Russia rivoluzionaria, Polonia indipendente e Santa Sede.-Bologna, 1992.

⁶ См.: Громыко А.А. Памятное. М., 1989; Azzoni G. La missione di Fanfani e Segni a Mosca (2 - 5 agosto 1961) // Storia delle Relazioni internazionali. 1993. IX, 2. С.169 - 226; Riccardi A. IL Vaticano e Mosca цит. С.194 - 195, 221 - 223.

⁷ См.: Роккуччи А. Русские наблюдатели на Втором Ватиканском Соборе: Совет по делам Русской Православной Церкви и Московская Патриархия



между антирелигиозной политикой и международными стратегиями // Второй Ватиканский Собор: Взгляд из России /Под ред. А.Меллони, В.Гайдук, Е.Токаревой. М., 1997. С.82-109.

⁸ См. Заключительный доклад протоиерея Виталия Борового о первой сессии Второго Ватиканского Собора // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6991, оп. 2, д. 463, л. 91 – 108.

⁹ Там же, л. 93.

¹⁰ Roulat È, французский историк и социолог религии, с тонкостью исследовал отношения между католической Церковью, современностью и секуляризацией; см. из его трудов: *Eglise contre bourgeoisie. Introduction au devenir du catholicisme actuel.* Paris, 1977; *L'ère postchrétienne.* Paris, 1994.

¹¹ Заключительный доклад протоиерея Виталия Борового о первой сессии Второго Ватиканского Собора, цит., л. 96.

¹² Там же, л. 98. О положении Папы в отношении к Соборам см. замечания очерка Alberigo G. *Il papato nel concilio ecumenico* // Alberigo G. *Nostalgie di unita*, цит., С.138 – 147.

¹³ Заключительный доклад протоиерея Виталия Борового о первой сессии Второго Ватиканского Собора, цит., л. 101 – 102. Об участии наблюдателей в Соборе см.: Velati M. *Una difficile transizione. Il cattolicesimo tra unionismo ed ecumenismo (1952 – 1964).* Bologna, 1996.

¹⁴ Заключительный доклад протоиерея Виталия Борового о первой сессии Второго Ватиканского Собора, цит., л. 107.

¹⁵ См.: Chiesa e papato nel mondo contemporaneo / Под.ред. G.Alberigo, A.Riccardi. Roma-Bari, 1990; Riccardi A. *Il potere del papa da Pio XII a Giovanni Paolo II.* Roma-Bari, 1993.

¹⁶ Отчет 29 декабря 1962 г. протоиерея Виталия Борового о работе первой сессии Второго Ватиканского Собора Римско-католической Церкви 11 октября – 8 декабря 1962 года // ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 463, л. 57.

¹⁷ Suenens L.J. *La crisi della Chiesa* // Riccardi A. *Intransigenza e modernita*, цит., с.68.

¹⁸ Riccardi A. *Intransigenza e modernita*, цит., с.82-83.